

С 29

600

P178512

Сервская

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1944

СЕЛЬСКАЯ ЭСТРАДА

РЕПЕРТУАРНЫЙ СБОРНИК

Выпуск четвертый

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1944

СОДЕРЖАНИЕ

Гимн Советского Союза	3
<i>С. Мислаков</i> . Красной Армии солдат	5
<i>Братья Тур</i> . Наши магери	6
День пройдет, и ночь пройдет	8
<i>М. Сзетлов</i> . Каховка	11
<i>А. Кузнецова</i> . Вдова	12
<i>Т. Новинова</i> . Подвиг	13
<i>С. Васильев</i> . Подарок	18
Над рекой Днепром	19
<i>Е. Кононенко</i> . Стеша	21
<i>П. Павленко</i> . Потерянный сын	23
Пехота	25
<i>А. Зусман</i> . Веселый разговор	28
<i>А. Резапкин</i> . Прогулка	31

Редколлегия сборника: **И. Дунаевский, Б. Дьяков, С. Зимина**
(отв. редактор), **М. Митрохин, Б. Ромашов.**

Ответственный по изданию редактор **Б. Дьяков.**

Подписано к печати 20 I 1944 г. . . . . 2 печ. л. 2,1 уч.-изд. л. 40 000 зн. в печ. л.
Л34060. Тираж 100 000 экз. Заказ 69. Цена 50 коп.

Ф-ка юнош. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 46.

ГИМН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

(Текст Сергея Михалкова и Эль-Регистана)

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный вслей народов,
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!

Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

ГИМН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Музыка А. В. Александрова

Широко Торжественно.

Со-юз не-рушимый рес-пуб-лик сво-бод-ных сплo-ти та на-веки ве-

ти-ка, я Русь да здравствуй, от со-здан-ийи во-леи на-родов в-е-д-и-мый, лю-ди, ч-ий Со-

вет-ский Со-юз! Смы-сл с-ю-те, че-ство на-ше сво-бод-но-е,

друж-бы на-родов на-деж-ный о-плот! Зна-мя со-вет-ско-е, зна-мя на-

род-но-е пусть от по-бедь к по-бе-де во-дет! Пусть от по-бедь к по-бе-де ве-дет!

КРАСНОЙ АРМИИ СОЛДАТ

И в столице и в селенья —
В каждом доме и в избе —
Люди думают с волнением
И с любовью о тебе.

И везде тобой гордятся,
И сегодня нет семьи,
Дома нет, где не хранятся
Фотографии твои.

В скромных рамках — над постелью,
Над комодом, на стене,
Где ты снят в своей шинели,
Пешим снят и на коне,

Снят один ли, с экипажем
В обстановке боевой,
Командир ты или, скажем,
Пехотинец рядовой.

Ты зайдешь в любую хату,
Ты заглянешь в дом любой —
Всем, чем рады и богаты,
Мы поделимся с тобой,

Потому что в наше время,
В дни войны, в суровый год,
Дверь открыта перед всеми,
Кто воюет за народ.

Никакое расстояние
Между нами в этот час
Оторвать не в состоянии,
Разлучить не в силах нас:

Ты готовил пушки к бою,
Ты закапывался в снег —
В Сталинграде был с тобою
Каждый русский человек.

Ты сражался под Ростовом,
Был под Харьковом в борьбе,
Вся Россия добрым словом
Говорила о тебе.

Ты вступил на Украину,
Под Полтавой принял бой.
Шла, как мать идет за сыном,
Вся Россия за тобой.

Сколько варежек связали
В городах и на селе,
Сколько валенок свалили, —
Только был бы ты в тепле.

Сколько скопленных годами
Трудовых своих рублей
Люди честные отдали, —
Только стал бы ты сильней.

Потому что горше горя
Жизнь в немецкой кабале,
Если сядут Макс и Мориц
На захваченной земле.

Землю эту, нивы эти,
Всей душой своей любя,
Как бы жили мы на свете,
Если б не было тебя?

БРАТЯ ТУР

НАШИ МАТЕРИ

Позиции наших минометчиков проходили через верхний этаж дома номер тридцать шесть на улице Ленина в Сталинграде. Немцы засели в подвале дома, что напротив. Между этими двумя зданиями не было ни одного квадратного метра площади, который не пронизывался бы пулями насквозь. Даже кошки ушли из этого квартала.

И все-таки здесь обитало живое существо. Иногда, когда смеркалось, приподымалась крышка водопроводного люка, находящегося посредине улицы, как раз между огне-

выми рубежами, и чья-то женская рука домовито выплескивала помои. Здесь, в чугунной трубе, в подземном чреве города, жила старая женщина.

Не знаем, почему она осталась по соседству с родным очагом. Но бойцы привыкли к ней, к этой маленькой седой старушке в старомодной шубке с лисьим воротником, как к обязательной подробности сражения. Под огнем минометов она семенила через улицу и подымалась по обгоревшей, полуобрушившейся лестнице прямо на позицию батарей.

Здесь уже ждали ее с нетерпением и нежностью. Усталым, закопченным от непрерывного труда битвы минометчикам она приносила свежестиранные портянки, заштопанные носки, подогретую кашу... Часто пищу невозможно было нам подвозить сюда из-за плотности огня, и Мария Гавриловна — так звали старую женщину — готовила обед из концентратов на примусе, обыкновенном мирном примусе, тихо жужжавшем в водопроводном люке среди грохота величайшего в истории войн сражения.

Когда у бойцов не было мыла, у Марии Гавриловны неизменно оказывался завалывшийся лишним обмылок. А когда у командира батареи как-то разболелись зубы, Мария Гавриловна нашла где-то шалфей и принесла горячее полоскание. Она делала все это с той материнской, почти инстинктивной душевностью, с той простотой подлинного чувства, которые заставляли незнакомых людей принимать все это, как нечто естественное и само собой разумеющееся. Но на самом дне сердца бойцы таили горячую благодарность к своей «соседке».

И вот однажды утром Мария Гавриловна объявила своим сынам, что сегодня будет роскошное пиршество — горячие щи. Где-то она нашла кочан капусты, — в соединении с мясными консервами это обещало быть потрясающим блюдом.

В сумерки, когда огонь немного стих, из люка показалась знакомая фигура Марии Гавриловны. Она, как всегда, мелкими шажками шла через улицу. В руке ее дымился котелок со щами. Внезапно немцы открыли по старухе огонь. Они били по ней из автоматов и из пулеметов. Но как бы свершилось чудо. Старуха шла под градом пуль невредимая, будто одетая в броню. Казалось, пули отскакивают от этой маленькой седой женщины. Она шла спокойно, не спеша, чтобы не расплескать щи, драгоценную горячую пищу для бойцов. Минометчики открыли ответный огонь, защищая свою мать.

И только когда она поднялась наверх, не расплескав ни капли щей, бойцы заметили кровь из-под ее платка. Она тихо опустилась на пол, на самом пороге, и больше уже не приходила в сознание. Ее похоронили ночью здесь же, во дворе дома номер тридцать шесть. Бойцы написали на ее могиле: «Здесь похоронена Мария Гавриловна Тимофеева, мать Н-ского минометного дивизиона».

Прокатились и пропали в волжских поймах последние выстрелы великого сражения. Но на марше и на биваке, в теплушке, у жарко натопленной печи вспоминают минометчики свою стalingрадскую мать, безвестную женщину с сердцем, величественным, как Россия...

ДЕНЬ ПРОЙДЕТ, И НОЧЬ ПРОЙДЕТ

Музыка В. БЕЛОГО

Слова А. МАЛЫШКО

(Партизанская песня)

УМЕРЕННЫЙ ТЕМП
(СОЛО, ИЛИ ДУЭТ)

Что за ве-тер, ве-тер вих-ре-вой?

Гнет-ся, гнет-ся я-вор под го-рой.

КОР

mp. ПАР-ТИ - ЗА - мы, ПАР - ТИ - ЗА - мы ПОД - МИ -

ЗАМЕДЛЯЯ **Чуть живее, мягко, лирично**

МАЙ-ТЕ ЗНА-МЯ В БОИ! **СОЛО**

ДЕНЬ ПРОЙ-ДЕТ И

НОЧЬ ПРОЙ-ДЕТ, КО - ЛОС ЗО - ЛО - ТОЙ РАСТ - ЕТ, В КО - ЛО - СИ - СТОИ

КОР

ЧИ - СТОИ ПО - ЛЕ НА - ША Ю - НОСТЬ О - МИ - ВЕТ. В КО - ЛО - СИ - СТОИ

ЧИ - СТОМ ЕПО - РАВ НА - ША Ю - НОСТЬ О - ЖИ - ВЕТ

ДЛЯ ОКОНЧАНИЯ.

О - ЖИ - ВЕТ

Что за ветер, ветер вихревой?
 Гнется, гнется явор под горой.
 Партизаны, партизаны,
 Поднимайте знамя в бой!

День пройдет, и ночь пройдет,
 Колос золотой растет.
 В колосистом чистом поле
 Наша юность оживет.

У отца, отца два сына есть,
 На врага ведет, ведет их месть.
 Ты от них, отец, получишь
 Не весной, так летом весть.

Ты прощай, прощай, зеленый сад,
Возвратимся, возвратимся мы назад.
Старший мчится к Черноморью,
Младший сын — на Север-град.

Полям, полям полымя плывет,
Ветер, ветер черный дым несет.
Батько хату поджигает,
К партизанам в лес идет.

Свищет ветер, ветер вихревой,
Гнется, гнется явор под горой.
Партизаны, партизаны,
Поднимайте знамя в бой!

М. С В Е Т Л О В

КАХОВКА

(В дни освобождения Каховки поэт Михаил Светлов написал
новые слова на ту же мелодию)

Украинский ветер шумит над полками,
Кивают листвою тополя...
Каховка, Каховка, ты вновь перед нами,
Родная, святая земля!
Мы шли через горы, леса и долины,
Прошли через гром батарей.
Сквозь смерть мы пробилась...
Встречай, Украина, своих дорогих сыновей!
    Под солнцем горячим,
    Под ночью слепую
    Прошли мы большие пути,
    Греми, наша ярость,
    Вперед, бронепоезд,
    На запад, на запад лети!
Пожары легли над Каховкой родимой,
Кровава осенняя мгла.
И песни не слышно, и в сердце любимой
Немецкая пуля вошла.

За юность, за землю, упавшую рядом,
За родины славу и честь —
Забудем, товарищи, слово «пощада»,
Запомним, товарищи, мсты!
    Под солнцем горячим,
    Под ночью слепую
    Прошли мы большие пути.
    Греми, наша ярость,
    Вперед, бронепоезд,
    На запад, на запад лети!

АГЛАЯ КУЗНЕЦОВА

ВДОВА

Как тяжело, когда прочтешь:
«Он пал геройской смертью».
Вот этот вот стакан брала его рука...
Им сломан этот нож.
Его коньки за дверью...
Как комната вдруг стала велика.

Ну, стукни в дверь, войди! Я жду тебя, мой милый.
Войди, не вытерев, как прежде, ног...
А мне ведь не видать твоей могилы,
Не знать последних пройденных дорог.

Часы стучат — зачем? Пусть встанут — мне не надо.
Они мешают только слушать мне,
Как шаг твой прозвучит здесь, за стеною, рядом,
И тень мелькнет в темнеющем окне...

Я поняла — ты больше не вернешься.
Пусть маятник считает ночи, дни, года.
Ты никогда теперь не улыбнешься,
Не поцелуешь больше никогда.

Почь впереди — холодная, глухая.
Жизнь кончена и не вернется вновь...

Нет! Не нужна тебе печаль такая!
Пусть ненависть родит моя любовь!

Пусть эта ненависть, рожденная любовью,
Поможет мне верней держать резец.
Пусть местью обернется горе вдовье,
Бери мои патроны — бей, боец!

Я буду жить, за кровь квитаясь кровью,
Лишь в самых тайниках души храня
Морщинку возле губ, вихор над левой бровью
И взгляд, который был лишь для меня...

★

Т. НОВИКОВА

ПОДВИГ

(Комедия в одном действии)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

М а ш а } колхозные девушки.
Ш у р а }
Человек в плаще.

Сеня колхозного амбара. В стене — маленькое оконце, у стены под окошком, на полу, винтовка. На скамейке в мечтательной позе сидит Ш у р а. Прислонившись головой к Шуре, лежит М а ш а, погруженная в чтение газеты.

Ш у р а. Нет, скучно без подвига жить. Что это за жизнь? Ну сеяли, пололи, жали, молотили... Ну здорово сеяли, здорово убирали... Ну первыми в районе. Ну и что ж? Разве это подвиг? Ели досыта, ну спали хоть не досыта, а все же довольно. Бомбы на нас не падали; дождик, правда, раз вымочил нас ой-ой как! Помнишь, Маша? Ма-а-ша!

М а ш а (*не слушая*). Угу...

Ш у р а. Вот тебе хоть бы что! Спокойная ты какая-то, смиренная... Только и знаешь свои нормы: как бы меньше трех не выработать... Больше никакой и мечты нет. Вот еще газеты любишь читать да слезы лить... Я вот не гляжу сейчас на тебя, а знаю: реवेशь... Маш!.. Ма-аша!

М а ш а (*вытирая платком глаза*). Ой, Шурочка, чего немцы под Харьковом делали!.. Детей, стариков не жалели...

Шура (*сокрушенно*). Эх, Машка! Твердости в тебе нет! Вот плачешь, а попадись тебе в руки немец, который стариков и детей казнил, ты его и не застрелишь: рука на человека, мол, не подымется. Ведь не подымется?

Маша. Не... не знаю...

Шура. Слабость твоя всем известна. Курица червяка склюет, а ты уж: «Ох, у червяка, может, детки остались...»

Маша (*смищенно*). Ты уж скажешь тоже!..

Шура. А что, не правда? Трусиха, кролик!.. Жениха за подвиг наградили, а она ревет...

Маша. Так ведь сильно ранили Васю...

Шура. Так ведь на то и герои. Вот это и есть настоящая жизнь. (*Увлекаясь*.) Сраженья! Опасность! Риск! (*С отчаянием*.) Ведь есть же такие счастливые девушки — на фронте сражаются, бьют врагов... Портреты их печатают... А тут вот паши, да сей, да молоти... Невидаль какая! Это и до войны все было. Развернуться во весь организм хочется. А райкомол говорит: «Тыл — тот же фронт... Развертывайся каждый на своем посту...» А мне, может, этого мало!

Маша (*убежденно*). И райкомол правильно говорит.

Шура. Может, и правильно, да не по моей натуре... У меня натура возвышенная. Меня рядовая жизнь не удовлетворяет. Я могу подвиг совершить, а мне не дают никаких возможностей. Подумаешь, какое дело — зерно сторожить! И то днем... А ночью, видишь ли (*кого-то передразнивает*), «испугаетесь кого-нибудь, красавицы, али вас кто испугает...» А знаешь (*совершенно*)... я иногда в мечты ухожу... Маш! Маша!

Маша (*читает*). Да я слушаю же...

Шура. Вот будто я летчица. Лечу по срочному заданию. Вот помереть, а долететь надо. Лечу день, лечу два, три...

Маша. Ой, Шурка, что-то больно долго!.. Так на войне не летают...

Шура. Ну, можно поменьше... Лечу час, два, три... (*Коситя на Машу*.) Ну ладно, два! Не перебивай!.. И вдруг навстречу мне десять немцев, на истребителях. Я не теряюсь. Хладнокровно взрываю вверх, развертываю машину... и... (*Пауза*.)

Маша бросает читать, слушает

Шура. И... стреляю.

Маша (*озабоченно*). Из чего?

Шура (*неуверенно*). Из... из пушки... И вдруг замечаю, что бензин в моторе на исходе!

Маша. Не в моторе, а в баках.

Шура. Ну в баках... Не перебивай! И вот...:

Маша (*увлеченная рассказом*). Ну, ну!..

Шура (*помолчав, решительно*). Нет, я технику самолетов плохо знаю... Я лучше про землю...

Маша (*умоляюще*). Нет, про самолет, про самолет лучше...

Шура. Это потому, что твой Вася — летчик! Нет, я уж про землю. Слушай! Я разведчица... Посылают меня в глубокий тыл. По срочному заданию.

Маша. По какому?

Шура. Ну, уж этого я не могу тебе сказать... Военная тайна... Иду я всю ночь по болотам, по лесу, по грудь в ледяной воде... Тьма — глаз выколи!

Маша (*вслушиваясь*). Постой, Шура! Вот опять самолеты гудят. Низко, знать, идут...

Шура (*сердито*). Не перебивай!

Маша (*спохватившись*). Ой, не сердись!.. Ну — в ледяной воде...

Шура. Вот... Выхожу на поле — вижу: тьма самолетов. И люди вокруг... Пропасть людей. Прислушалась — враги!

Маша. Ну, ну...

Шура. Прислонилась я к дереву, не дышу... Наблюдаю. И понимаю: десант готовится!.. Воздушный десант! А командует ими один — в плаще, с бородой. Вдруг подо мной веточка — хрясть!

Маша (*садится*). Ой!..

Шура. И меня схватили... Ведут прямо к бородатому. Ну, думаю, дешево я свою жизнь не продам... В кармане у меня граната. Я размахиваюсь...

Открывается дверь, на пороге — Человек в плаще, с черной повязкой на правом глазу. На голове кожаный шлем. Правая рука на перевязи.

Шура. Ой! Немец! Десант!.. (*Быстро выскакивает в окошко.*)

Маша медленно подымается со скамьи, не сводя глаз с вошедшего.

Человек в плаще (*решительно*). Ни с места! Ни один слов!

Маша стоит неподвижно, выпрямившись.

Человек в плаще. Пусть русский девушка не боится... Мне только надо сведений. Маленький сведений!..

(Подходит к Маше, грубо хватает ее за руку.) Где штаб, военная часть, который стоит в ваш районный центр?

Маша молчит, глядя куда-то в сторону.

Человек в плаще. Ну?

Маша молчит.

Человек в плаще *(меняет тон на ласковый)* Какой упрямый девушка!.. Надо быть вежлив с гостями. Ну — раз, два... Дорог каждый минут. Нет сведений — русский девушка мертвый на месте... Будет хороший сведений — будет хороший подарка... Вот. *(Вынимает из кармана нитку янтаря.)* На вашу красивый шейка... *(Подносит ожерелье к Машинной шее, чтобы примерить.)*

В окошко протягивается рука, тихо достает винтовку. Никто этого не замечает.

Маша *(вздрагивает, как от прикосновения ножа. Хватает ожерелье и резко швыряет в сторону. Садится от волнения.)* Гад!.. *(Замахивается, чтобы ударить человека по лицу.)*

Человек в плаще ловко перехватывает ее руку. Маша внезапно впивается зубами в кисть руки Человека в плаще. Тот вскрикивает, на минуту отпускает девушку. Не помня себя. Маша схватывает незнакомца за горло. Оба падают.

Человек в плаще. Маша! Пусты, ей-богу, задущишь! У меня же рука еще больная... Машенька!

Маша разжимает руки, садится, безумными глазами смотрит на него.

Человек в плаще *(тоже садится)*. Машенька... Прости. Ей-богу, пошутить хотел. Ты же тихоня была, а тут прямо как тигрица! Ей-ей, чуть не задушила...

Маша кидается к нему, ощупывает лицо. тихо вскрикивает.

Человек в плаще. Ну я же, конечно я. А глаз цел, Машенька. Только повязку снимать еще нельзя. Меня, Машенька, мать не узнала!

Маша. Вася! *(видится, замирает в объятиях.)*

Шура *(показывается в дверях с винтовкой в руках, прицел держит ее за ствол, прикладом вверх. Закрывает глаза, отчаянно.)* Эх, была — не была, по-суворовски!.. *(Вбегают, замахиваются прикладом и, увидев обнявшихся.)* Целуются!.. *(Дико кричит.)* Машка!

Маша *(увидев)*. Шура! Стой, не бей!..

Шура. Машка!.. Подлая!..

Человек в плаще *(быстро вскакивает)*. А ну-ка,

штурман, подымайся, готовься к обороне. Ей-ей, эти красавицы в самом деле укокошат...

Маша. Шурка! Это же Вася, Вася! *(Плачет и смеется.)* Борода у него выросла... А плащ-то... *(Хохочет.)* Плащ-то наш, папанькин!..

Шура. Ка... какой Вася?

Человек в плаще. Шурок, ей-же-ей, я... Да брось пулемет-то, часом выпалишь. Вот на грех затеял! *(Смеется, берет из рук опешившей Шуры винтовку, ставит к стене, обнимает Шуру.)* Соседушка, признаешь, что ль?

Шура. Господи! Да что ж ты наделал-то? Зачем немцем представился? *(Наступает на него.)* Говори: зачем?

Вася. Это не я наделал... Это ты, Шурочка. Как увидела, так и завопила: «Немец!» — и в окошко. Ну, я и решил тебя поддержать, чтоб не обижалась... А с чего же это вы меня за немца-то приняли? До фронта, кажись, далеко...

Шура *(переглянувшись с Машей)*. Да уж так, бес попутал... Стыд, да и только.

Вася. А зачем ты в окошко-то сиганула, Шурочка?

Шура *(честно)*. Испугалась. Сроду ведь немцев не видала. Бегу, не помня себя. И вдруг — как что меня остановило. И так мне сделалось сты-ыдно, так сты-дно... Подругу бросила, зерно бросила! Как же так? Вот и... во-ротилась...

Вася. И чуть меня не укокошила. Только ты почему прикладом-то? Выстрелить — оно бы способней. Прицелилась бы из-за двери... И — бац!

Маша вскрикивает, закрывает лицо руками.

Шура *(уныло)*. Да оно без пули... Я хотела, а оно, хват, незаряженное.

Вася *(хохочет)*. Вот так сторожа!

Шура. Господи, опозорились совсем!

Вася. Ну на первый раз не беда... Вот на второй раз, девушки, все ошибки учтите. А прикладом надо бить, Шура, вот так. *(Хочет взять винтовку.)*

Маша. Ой, брось, брось!

Вася. Вот тебе на! А как же ты меня душить-то кинулась?

Маша *(просто)*. Я испугалась очень...

Вася *(хохочет)*. Вот как! Обе испугались и со страху чуть штурмана не убили... Занятные трусихи, ей-ей! *(Хохочет.)* И подарок мой запустила в угол.

Маша кидается поднимать рассыпавшееся ожерелье.

Шура (с сожалением). Эх, до чего же обидно все-таки. Ведь совсем было уж подвиг был... И — на вот тебе!

Вася. Какой подвиг?

Шура. Так... Военная тайна!

Маша смеется.

Вася. Кстати, о подвигах... Я ведь поздравлять вас шел. Как проходил со станции через район, газету мне в районе дали... (Лукаво.) А в газете...

Маша и Шура (вместе). Что в газете?

Вася. Ваши портреты. (Развертывает газету.) Работали на уборке, как истинные патриотки. Вот это и есть настоящее дело! За это вам ото всех бойцов Красной Армии спасибо! (Целует обеих девушек.)

Занавес

★

С. ВАСИЛЬЕВ

ПОДАРОК

Я ночей не досыпала,
Не гасила долго свет.
Я сидела — вышивала
Мелким бисером кисет.
Я подарок отправляла
Неизвестному бойцу.
Я фамилии не знала
И не знала по лицу...
Кто получит — не гадала
Вышивной подарок мой.
Только я ему писала:
«Будь героем, дорогой!»
А еще на дно кисета,
В самый дальний уголок,
Я вложила для ответа
Свой короткий адресок.
Канул без вести куда-то,
Затерялся мой кисет.
Но вчера из-под Кронштадта
Получила я ответ:
«Вас зовут Елизавета,
Я зовуся — Михаил,
Я из вашего кисета
С удовольствием курил.

Я не знаю, как на это
 Лучше надо отвечать.
 Только я, Елизавета,
 Еду орден получать...»
 Что мне делать, что мне делать?
 Потеряла я покой.
 Может, он ко мне придет,
 Незнакомец дорогой?..

★

НАД РЕКОЙ ДНЕПРОМ

Музыка М. КОВАЛЯ

Слова М. ДЕВЯШОВА

НАД РЕ- кой ДНЕ-ПРОМ *mf* О-РЕШ - НИ-КОМ НЕ-ВЫ
 ПОД

This system of the musical score is written for voice and piano. It features a vocal line with lyrics and a piano accompaniment. The key signature has one sharp (F#) and the time signature is 4/4. The lyrics are: "НАД РЕ- кой ДНЕ-ПРОМ О-РЕШ - НИ-КОМ НЕ-ВЫ ПОД". The piano part includes dynamic markings such as *mf* and *под*.

СО - НИИ ХОЛМ ПРИ-ГО - РЮ - НИЛ СЯ *p.* А НА

This system continues the musical score. The lyrics are: "СО - НИИ ХОЛМ ПРИ-ГО - РЮ - НИЛ СЯ А НА". The piano part includes dynamic markings such as *p.*.

том хол-ме за-рос ла тра-вой вся про-
 том хол-ме за-рос ла тра-вой вся про-

mp
mp

для повторения | для конца
 би-та-я нас-ка во-и-на. 2 Бо-га-ли-но-ю!
 би-та-я нас-ка во-и-на. ли-но-ю!

mf

1

Над рекой Днепром, под орешником,
 Невысокий холм пригорюнился.
 А на том холме заросла травой
 Вся пробитая каска вонна.

2

Богатырь провел здесь неравный бой:
 Он три танка сжег бронейными,
 Под четвертый танк воин, раненный,
 Сам с гранатами гордо ринулся.

Над могилою, под орешником,
Наклонился друг, друг испытанный,
И целует он землю русскую
И стоит, молчит призадумавшись.

4

— Ты вставай, вставай, богатырь родной!
Слышь — полки идут наши русские,
Самолеты мчат краснозвездные,
И «ура» гремит над долиною!

ЕЛЕНА КОНОЕНКО

СТЕША

(Монолог)

Стеша, Стеша, гордая русская девушка, сероглазая красавица-певунья. Ты была простой, веселой, любила наряжаться и считалась щеголихой в своем колхозе. Даже в поле ты приходила немножко расфранченная, словно в клуб на танцы. И женщины смеялись, что ты приносишь на огороды, где единственный кавалер дядя Панкрат, осколок зеркала. Но никто не сердился на тебя, Стеша, потому что ты умела не только петь, но ты умела работать за двоих, в поле и на огородах ты была так же горяча и ловка, как в пляске. Бывало выйдешь на улицу, притопнешь каблучками, и расчет, как веслом, вечернюю тишину твой свежий, сочный голос:

Ой да как у речки край плескает,
Ой да придет Вася — приласкает...

И он приходил, твой Вася. Он был трактористом. Сейчас он танкист. И до рассвета вы пели и плясали под старыми липами, от которых пахло медом. И всегда ты была беспечна, всегда смеялась своим малиновым смехом.

И не случайно, когда в нашу деревню ворвались, как воры средь бела дня, изверги-гитлеровцы и однажды вечером офицеры фашистское затеяло кутеж в мельниковом доме, первой повели к офицерью тебя, красавица Стеша. Ты накинула на себя, Стеша, свою лучшую лазоревую кофту, ту, в которой провожала Васю-тракториста, сунула

за пазуху осколок своего зеркала и ушла, оставив мать и брата в слезах и смертельной тоске. Мельник потащил тебя за руку в избу, где скучал главный начальник в ожидании твоих соловьиных песен. Пятнадцать земляков твоих растерзал, расстрелял за эти два дня прохвост и, пресытившись кровью, захотел песен.

Твое появление, красавица Стеша, ошеломило фашистского волка: уж больно хороша ты была в своей лазоревой кофте, уж больно светлы были твои лазоревые глаза, и густы брови, и пышна коса!

Офицер схватил твою руку и прикоснулся к ней усами, вымоченными в коньяке. Ты вспыхнула, как заря поутру, отдернула руку, пошатнулась и приоткрыла губы, словно хотела что-то сказать, словно вспомнила, как целовал твои руки Вася, и опустила глаза.

Офицер налил тебе рюмку сладкого вина и протянул, гнусно улыбаясь, а другой рукой схватил тебя за твои прекрасные плечи, Стеша. И вдруг вино плеснулось, потекло по зеленому мундиру, а на щеке офицера брызнули алые струйки крови. Это ты, Стеша, гордая русская девушка, вышибла из рук фашиста граненую рюмку, быстрым движением выхватила из-за пазухи осколок зеркала — все твоё нехитрое оружие сельской плясуньи — и ударила им изо всех сил по фашистской морде.

Офицер понял, что случилось, только тогда, когда ты, отскочив в сторону, сдернула со стола скатерть и, швырнув на пол шоколадки в серебряных бумажках, стала топтать их своими каблуками, приговаривая, как в лихорадке: «Вот тебе песни, вот тебе пляски, вот тебе сласти, гитлеры поганые!»

Ты метнулась к подоконнику, Стеша, схватила утюг, попавшийся под руку, и швырнула его в голову проклятого насильника. Радостные рыдания вырвались из твоей груди, когда кровь залила мундир офицера и он грохнулся на пол, как мешок, набитый опилками.

«Вот вам песни, вот вам пляски, вот вам любовь, гитлеры поганые», как во сне повторяла ты. Пышные косы твои рассыпались, чёрная кровь фашиста обагрила твои белые руки.

И никто не знает, что было дальше, Стеша. Люди увидели тебя только у старых лип, под которыми ты плясала весной с трактористом Васей.

Ты стояла, Стеша, привязанная к одной из этих любимых тобой лип, растерзанная, избитая, заплеванная, в рваной лазоревой кофте, которая стала багровой от твоей де-

вичьей крови... Что они сделали с тобой, эти псы-душегубы — никто не знает. Твое лицо было обезображено, огромный синяк закрывал твой левый глаз, а правый, все такой же чистый и ясный, как вода ключевая, смотрел на людей, и в нем, словно капля горячей смолы, застыла слеза. Говорят, ты от пыток, от мук потеряла разум. Но когда автоматчики направили на тебя черные дула, ты встрепенулась и крикнула жалобно: «Вася!» А потом заговорила жарко, страстно: «Товарочки, девушки! Не продала я немцу-фашисту свою честь, не миловалась я с врагами проклятыми. Товарочки, девушки, не пела, не плясала ему».

Фашистский офицер с забинтованной головой, этот гитлеровский холуй, который хотел купить тебя, советскую девушку, махнул рукой, и ты умерла.

Ты умерла, Стеша, гордая советская девушка, русская красавица, не пожелавшая продать честь свою, любовь свою, родину свою.

П. ПАВЛЕНКО

ПОТЕРЯННЫЙ СЫН

Вбегаем в станицу, узнать ничего не могу. Я в той станице когда-то бывал и знакомых имел, а сейчас бегу и ничего не узнаю. Хаты горят, машины немецкие горят, взрывается что-то. И ни единой души народу. Гляжу, наши хлопцы куда-то свернули в сторону, я — за ними. Вижу — пепелище, и стоит возле него хлопчик лет трех, от силы четырех, — стоит и горбыльком пепел ворошит. А наши как подбежали, так и стоят точно вкопанные, смотрят на него бессловесно.

— Ты чего? — говорю, а у самого голоса нет. Черный он, грязный, видать, несколько дней без питания, одни глаза на мосолках, на скулках этих, торчат.

А он мне:

— Это наша хата, — и на пепел указывает. — Картошку шукаю.

— А где, — говорю, — батька?

— Не знаю, — говорит.

— А мамка?

— Не знаю. Я в степу ховался.

Стоит, смотрит на нас, как тот цветок сорванный. Ну, тут всех нас как кинжалом по сердцу, схватились за сум-

ки — хлеб, сухари, сахар вытаскивают, перед хлопчиком этим кладут, а сами плачут, будь ты проклят! И я то же самое. Ну, не удержишь, какое тут!

Дал и я ему кусок сахару.

— На, — говорю, — соси да меня жди. Я знаю, где твоя мамка, доведу. Только, слышь, сиди, никуда не бегай, ничего не пужайся.

Он как кинется до меня, и сахар обронил, да своими худыми ручонками как обнимет мои ноги, и слеза у него покатилаь из глаз. да, знаете, хлопцы, такая, будто глаза вместе с ней выплеснул. Ох, спужался я тут за себя, аж зубами скрипнул!

— Сиди, — говорю, — как сказал. — Я, значит, делаю нашим знак удалиться.

— Дядька, меня Вовкой звать! — крикнул он.

Ну, день был у нас беспокойный, атака, другая, и все на маневре, и надо же такое дело, — к вечеру мой взвод пускают в другом направлении... А о нем я все время думаю. У меня, знаете, ребяташек прибрал господь — не повезло, ну, и потом война, туда-сюда... Вот, думаю, нашел я себе сынка. Он, знаете, складенький такой, правда, тонковат, да ведь мать, жинка моя, что на дрожжах выкормит. Вот, думаю, нашел себе сынка, в бою сыскал, не где-нибудь, серьезный казачишко вырастет. Вовка ты мой дорогой... А к вечеру взвод мой пускают в другом направлении... Вот, думаю, беда бедовая. Ну, ночью вырвусь. Вовка и ночью ждать будет. А ночь приходит, и к заре мы в верстах тридцати от той станицы. Сошел я, дорогие мои, с коня, присел у канавы и хоть кубанку под глаза подставляй — слезой исхожу. Как вспомню — ворошит он прутиком пепел, так сердце в горошину. А дело не ждет. Выступать. Глянул я нечаянно на сапоги — и в холодный пот: на голенищах след от его ручонки, что листик кленовый. Будто печать он на меня поставил: не забудь, мол, Вовку, а забудешь — проклятье тебе выйдет...

Глаза рассказчика из голубых стали тусклыми, оловянными, будто он внезапно ослеп.

Слушатели вздохнули.

— Твоей вины тут нет, — сказал один.

— Ты, слушай, не бери это на себя. Ты не виноват.

Отведя лицо в сторону, чтобы вернуть глазам их человеческий блеск, рассказчик тихо сказал:

— Я найду его...

★

ПЕХОТА

Музыка Вл. ЗАХАРОВА

Слова А. ТВАРДОВСКОГО

лю - бят лет - чи - ков у нас, кон - ни - ки в по -

че - - - - те; обра - ти - - - - тесь, просим вас,

Де - ву - шки к пе - хо - те

пусть тот конник на ко - не, лет - чик все - мо -

ле - - - - те и од - - - - на - - - - кож на вой - не

пер - вый ряд не - хо - те, не - хо - те.

Запев

2 Пусть тан - кист кра - сив со - бой и го - рюч в ра

бо - - - - те, а ве - дешь ма - ши - ну в бой,

по - - - - кло - нись не - хо - те.

Пусть фор - сис - т ар - тил - ле - рист в бо - - - - е - вом ра -

сче - - - - те, от стре - лял - ся, не гор - дись,

Любят летчиков у нас,
Конники в почете.
Обратитесь, просим вас,
Девушки, к пехоте.

Пусть тот конник на коне,
Летчик в самолете,
И однакож на войне
Первый ряд — пехоте.

Пусть танкист красив собой
И горяч в работе,
А ведешь машину в бой —
Поклонись пехоте.

Пусть форсист артиллерист
В боевом расчете.
Отстрелялся — не гордись,
Дело, суть в пехоте.

Обойдите всех подряд —
Лучше не найдете.
Обратите нежный взгляд,
Девушки, к пехоте.

Полюбите молодца,
Сердце подарите,
До победного конца
Крепко полюбите.

★

ВЕСЕЛЫЙ РАЗГОВОР

(Участвуют 10 девушек, дядя Влас.)

1-я девушка. Вышла утром на крыльцо,
Вдруг несут мне письмецо.
На крыльце застыла я —
Письмецо от милого.

«Здравствуй, родная моя,
Модница, плясунья,
Ненаглядная моя,
Дорогая Груня.

Шлю привет горячий свой
С огневых позиций.
Был на-днях горячий бой,
Ну и дали фрицам!

Разгромили девять дзотов,
Танки разгромили,
Мы продвинулись вперед,
Немцы отступили.

На привале, и в строю,
И во время боя —
Всюду карточку твою
Я ношу с собою.
Полюбуюсь, погляжу
И обратно положу.
Горевать ты не должна:
Возвращуся к вам я,
Но коль жизнь моя нужна,
То ее отдам я.

За тебя, за весь наш край,
За страну родную...
Будь здорова, не скучай...»

2-я девушка. Дальше что?

1-я девушка. Целую...

(В это время собрались девушки.)

1-я девушка. Вижу, вижу, право, я,
Очень вам досадно,
Что горжусь по праву я
Моим ненаглядным.

- Все девушки. Говори, да осторожно,
Нам гордиться тоже можно.
- 2-я девушка. На деревне все узнали,
Что за парень мой Семен:
Он почетную медалью
За отвагу награжден.
- 3-я девушка. Ах, не спорьте, — лучше Пети
Нет наводчика на свете.
Он прямой наводкой бьет,
Пушку «Катенькой» зовет.
- 4-я девушка. Бросьте, девушки, браниться,
Ясно всем без спора:
Разве может кто сравниться
С боевым сапером?
- 5-я девушка. Вовсе наш не кончен спор.
Ну, подумаешь, сапер!
Вот Володька, милый мой,
Снайпер боевой.
Лучший он стрелок в отряде,
Работает чисто:
Гляньте — уничтожил за день
Семьдесят фашистов.
- 6-я девушка. Ты не хвастайся, подружка,
Да не дергай плечиком:
Стал на фронте мой Андриюшка
Боевым разведчиком.
- Все девушки. Ну и подумаешь!
- 7-я девушка. Мой — наводчик.
- 8-я девушка. Мой — танкист.
- 9-я девушка. Мой — герой-артиллерист.
- 10-я девушка. Мой для девушек приманка —
Военврач второго ранга.
- Все девушки. Дядя Влас, а дядя Влас!
Ты, наверно, слышал нас?
Помоги нам, дядя Влас!
Рассуди нас, дядя Влас!
- Дядя Влас. Тише, тише, не шумите,
Не галдите, погодите.
Вот вопрос, ни дать, ни взять,
Тут не знаешь, как начать.
Тот хорош, а этот лучше,
Ну и ну — не легкий случай.
Что тут делать, как тут быть?
Как загадку разрешить?
Больно вы, девчата, пылки.

Дайте, почешу в затылке...
Может, что на ум придет.
Не шумите, тише... Вот!
Ну, понятно! Всем вам ясно,
С этим будут все согласны,
Тут уж вы не спорьте зря —
Лучше всех, конечно, я.

(Девушки зашумели.)

Ну, об этом мы не спорим.
А теперь заглянем в корень...

(Обращается к девушкам по очереди.)

Милый, значит, твой танкист? Хорошо...

Твой герой-артиллерист? Хорошо...

Дело ясно!

Все девушки. Ну и что ж?
Дядя Влас. Всяк по-своему хорош.

Я скажу вам от души:
Все ребята хороши.
Все ребята молодые,
Все герои удалые,
И за родину свою
Все сражаются в бою.
А для нашей для страны
Всех родов бойцы нужны.
Все фашистов крепко бьют,
Гадам спуску не дают.
Все герои-молодцы,
Красной Армии бойцы.
И скажу вам от души:
Все ребята хороши.

Все девушки. Ах, да Влас, ну и Влас,
Самый умный ты у нас.
Спорить незачем напрасно!
Все с тобою мы согласны.
Дружно скажем от души:
Все ребята хороши!

ПРОГУЛКА

(Мополог)

Довелось нашей части освободить недавно один хороший городок. Правда, немцы его по силе возможности изуродовали, но все равно приятно пройти по улицам.

Другие части вперед пошли, а нам был объявлен отдых.

Вот я с одним своим земляком, Яшей Ивушкиным, иду по городу, люблюсь. Тишина, понимаете, такая, что с непривычки оглохнуть можно. Приятные виды природы: канава, например, в ней штук десять мертвых немцев. Или идет грузовая машина, а в ней опять битые фрицы, да еще в офицерских чинах. Вообще — красиво.

Гуляем мы, и вдруг навстречу нам идет девушка. В приличном пальтишке, в шапочке из кроличьего пуха, в руках лакированная сумочка повседневной носки. Вообще форма одежды — кокетливая.

Идет эта девушка на сближение с нами, и уже видно, что глаза у нее серые, очень крупного калибра, пробивная способность — насквозь и даже глубже.

Яшка мой как рассмотрел эти глаза, так и ахнул.

— Вот это, — говорит, — оптика! Я, — говорит, — пропал...

— Да, уж, — говорю, — Яшка, занимай оборону: противник просочился крупными силами...

А девушка подходит вплотную и, сверкая глазами, спрашивает:

— Товарищи бойцы, вы по делу идете или свободны?

Яшка плечи расправил — от погона до погона четыре перегона — и деликатно отвечает:

— Так точно, свободны, намечается короткий бросок в кинотеатр. Не угодно ли с нами?

— Подождите с театрами! — взволнованно отвечает девушка. — Вон в том доме есть полуподвал, а в нем десятка три немцев с пулеметом...

Ну, сами понимаете, что прогулку мы по боку, автоматы за бока и начали подбираться к указанному дому. Девушку хотели оставить за углом, а она ничего подобного: достает из той самой повседневной сумочки трофейный пистолет «Вальтер» и идет с нами.

— Не удивляйтесь, — говорит. — Я по сути дела партизанка и специально оставалась в городе глушить немцев.

Яшка посмотрел на нее влюбленными глазами и пополз к самому окну полуподвала. Там он из вежливости крикнул немцам:

— Выходите, гады, сдаваться в плен!

А в ответ пулеметная очередь.

Ну, конечно, тут в ход пошли гранаты и автоматы. Подоспел наш патруль, и мы ему сдали пятерых уцелевших фрицев.

Идем-гуляем дальше. Яшка уж пристроился к этой трофейной девушке с левого фланга. Но в это время из-за угла два красноармейца выводят группу фрицев. Картина вроде обычная, но я присмотрелся к походке красноармейцев и кое-что смекнул. Быстро преграждаю этой группе дорогу и командую:

— Стой! Конвой — смирно!

И тогда оба конвойных становятся не руки по швам, а по-немецки: выворачивают локти в стороны...

— Больше вопросов не имею, — говорю я, и мы втроем отводим немцев в комендатуру. Все до одного оказались офицеры, а для попытки пробраться к своим они двух своих лейтенантов нарядили красноармейцами. И идут себе будто бы под конвоем... Не вышло!

Ну, гуляем дальше. Яшка уж начинает мне делать глазами жест: дескать, третий лишний...

А в это самое время навстречу идут две женщины. Моя молодежь в порядке личной симпатии не обращает на них никакого внимания. Но я опять присматриваюсь и опять смекаю. Потом поднимаю автомат и вежливо спрашиваю женщин:

— Далеко, извиняюсь, идете?

Тогда одна из них быстро распахивает шаль и хочет бросить гранату... А вторая подобрала юбки выше мундира и хочет убежать.

Ну, покойник с гранатой оказался адъютантом полковника в юбке... Переделались, понимаете, и хотели удрать. Не вышло!

Но и у нас с прогулкой и с театром тоже ничего не вышло: до самого вечера ходили по городу и вылавливали недобитых немцев. А вечером пошли дальше, на запад!

И теперь мой Яша Ивушкин из каждого нового освобожденного нами населенного пункта отправляет письма той глазастой девушке и вздыхает:

— Вот, — говорит, — нечего сказать: освободил городок... А свое личное сердце в плен отдал.

— Ничего, — говорю, — Яша, шагай бодрей, бей немцев больней. К твоей девушке дорога лежит только через все населенные пункты, которые нам предстоит освободить!

И шагаем. И бьем! И все это у нас получается очень прилично.

Item 50 a.

16